

Марина ПИКАССО

«Эль», ПАРИЖ.

Внучка великого художника с энтузиазмом и большой душевной щедростью отдает себя служению вьетнамским сиротам. Дело в том, что она тоже в детстве познала бедность, как это ни покажется странным. В своей книге «Дети по ту сторону света» она с большим чувством вспоминает о тех годах. Вот некоторые отрывки из этой книги.

МОЯ МАТЬ, уроженка Лиона, встретила с отцом после войны на юге Франции. После рождения сына Пабло (в 1949 году) и моего (в 1950-м) отношения между родителями, никогда не отличавшиеся задушевностью, стали быстро ухудшаться, и через несколько лет они разошлись. По правде говоря, я никогда не могла понять, каким образом матери удавалось как-то материально выкручиваться.

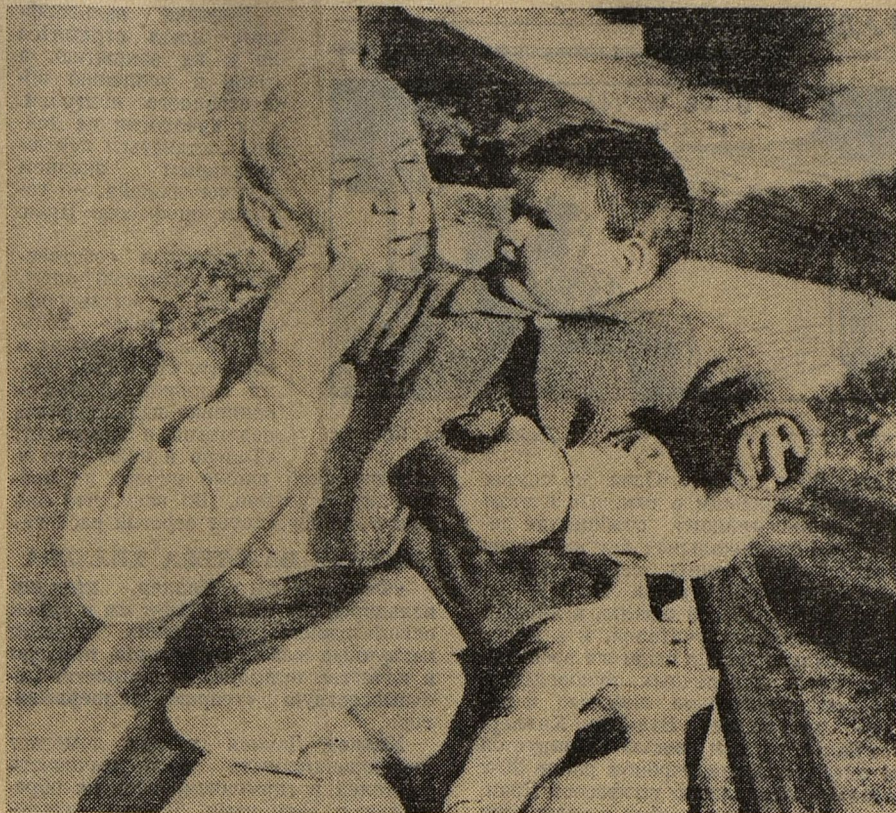
Молодоженам очень скоро после свадьбы пришлось столкнуться с нехваткой денег, поскольку мой отец в финансовом отношении полностью зависел от деда и не имел достаточно средств, чтобы прилично обеспечить жену и детей. После развода со стороны матери было бы естественно потребовать от него выплаты алиментов. Однако в то время она предпочла предъявить судебный иск моему деду — она требовала, чтобы он перевел на нее часть своего состояния. Не более и не менее. При этом она ссылалась на то, что мой отец отказался от наследства матери (моя бабушка Ольга умерла в 1955 году вскоре после того, как разошлись мои родители), а у нее самой не было никаких причин от этого наследства отказываться. Надо думать, ее адвокаты были не из лучших, но, скорее всего, задуманное ею дело было попросту нереальным. В результате своей судебной активности мать лишь еще больше восстановила против себя Пикассо, который никогда не был о ней особенно высокого мнения и считал, что она неправильно была воспитывалась. В то же время из-за него у матери не оставалось никаких возможностей для получения социальной помощи и улучшения нашего материального положения.

«Дед смотрел на нас, как на свои вещи»

БОЛЬШАЯ, часто отсутствовавшая, занятая раздорами с отцом или дедом, мать не имела времени, да и особого желания, заниматься нами. Поэтому мы научились не доверять ее настроениям: сейчас она радостная и улыбающаяся (обычно с посторонниками), а через мгновение по совершенно непонятным для нас причинам она умолкала и уходила в себя, откуда никто и ничто не могло ее вывести, особенно мы, ее дети. Такая манера поведения — пылкость, сменявшаяся холодом, — была, между прочим, самым тяжелым в наших отношениях с ней. В такие минуты казалось, что она страдает от какой-то неизвестной нам боли и находится где-то далеко-далеко. Тогда мы готовы были на все, лишь бы вернуть ее к нам.

Я посвятила впоследствии немало времени распутыванию сложного клубка моих отношений с матерью. Но, несмотря на массу времени, потраченного на это, только недавно поняла, что мое вступление на путь оказания гуманитарной помощи чистично объясняется именно трудностями наших с ней взаимоотношений. Я никогда не думала, будто обладаю какими-то особыми знаниями, но что касается детей, сама всегда удивлялась тому, как почти мгновенно знала, каким образом помочь ребенку в его отчаянии, в его несчастье. Это-то и побудило меня к действиям...

Быть может, с моей стороны это и нехорошо, но я совершенно искренне думаю, что для Пикассо близкие ему люди были чем-то вроде принадлежащих ему вещей, с которыми он мог и хотел делать все, что ему вздумается, с той же фаустовской мощью, которая сделала его крупнейшим художником эпохи. Но это было невозможно. Сколь бы он ни был гениален, он не мог обращаться с людьми, как с каким-нибудь материалом для создания своих произведений. Пикассо очень рано вообразил, будто может играть в демурга и по своему усмотрению манипулировать вскием, кто вступал с ним в близкие отношения. Так вот, для меня совершенно ясно,

Пабло Пикассо и его внучка Марина.

ВОКРУГ ГЕНИЯ

что Пауло полностью находился во власти своего волевого отца и не мог постоять ни за самого себя, ни за свою семью.

Конечно, для него не все было так просто, и при некоторых обстоятельствах он проявлял исключительную корректность. Так, после смерти матери он отказался от части наследства, на которую по всем правилам мог бы претендовать, поскольку его родители никогда не разводились. Он считал невозможным лишать отца части его творческого наследия, что делало ему честь. Но поскольку он не работал, последствия такого шага оказались весьма плачевными для него самого, а следовательно, и для нас. И действительно, именно это порывцарски благородное решение создало по меньшей мере странную ситуацию, из которой он не выходил практически до конца своих дней. Каждый месяц ему приходилось просить у отца денег на жизнь и каждый раз испытывать унижение тем более неприятное, что Пикассо никогда не упускал случая попрекнуть его попрошайничеством. Кроме того, все эти денежные проблемы, да и другие тоже, вносили разлад в отношения между моими родителями. Иногда этот денежный кругооборот нарушался: мой отец просил денег у своего отца, затем давал какую-то сумму моей матери на жизнь, но иногда получал от деда мало денег, или мать выражала недовольство полученной суммой, недостаточной для обеспечения приличного существования. Так все мое детство проходило в условиях материальных трудностей, во многом и вызывавших приступы возмущения у моей матери. Да, она с большим трудом переносила такую необеспеченность, ведь она была снохой одного из самых богатых и знаменитых людей в мире.

Варианты проигрыша

ВО ВРЕМЯ одной из бесед кто-то передал слова Пикассо, который будто бы сказал однажды: «Когда я умру, это будет как кораблекрушение, а когда большой корабль тонет, в его воронку затягивает множество людей». Это его пророческое предсказание стало зловеще точным: если для многих людей во всем мире художник олицетворял собой создающего гения, то для своих близких он был особенно разрушителен. Так, Франсуаза Жило писала: «Чтобы выиграть что-то у Пикассо? Да никогда: были только различные варианты проигрыша». Когда я в 1990 году в первый раз побывала во Вьетнаме, то ясно поняла две вещи: во-первых, проблемы той или иной степени самовлюбленности какого-либо творческого гения представляются просто ничтожными по сравнению со страданиями самых обездоленных, особенно со страданиями детей; и, во-вторых, нет лучшего занятия для меня, чем помогать детям жить более достойной жизнью. Конечно, если сегодня я мо-

гу заниматься благотворительностью, то только благодаря полученному мною наследству, то есть в конечном счете благодаря Пикассо. Очевидно, что в противном случае я никогда бы не имела в своем распоряжении тех средств, которыми располагаю сейчас. Все это так, но мотивация моих действий осталась прежней еще с того времени, когда мы вместе с братом заботились о детях с дефектами в Валорисе. Уже тогда страдания другого человеческого существа казались мне куда важнее любых форм творчества, а проблемы каждого человека — заслуживающими таких же, если не больших, внимания и заботы, чем проблемы художников-творцов, как бы исключительно важны они ни были.

То, что потом произошло в моей жизни, было намного страшнее самого кошмарного сна, и это помешало мне в течение длительного времени принять какие-то шаги. Когда мне удалось справиться со своими трудностями, я вновь обрела волю и стремление помогать другим, и наследство, полученное от Пикассо, сыграло тогда решающую роль в осуществлении моих замыслов.

Если сейчас я немного лучше думаю о деде, если сейчас я к нему отношусь не с такой неприязнью, как раньше, то мне не удалось и не знаю, удастся ли когда-нибудь пережить уход из жизни Пабло.

Я не считаю фатальным совпадением тот факт, что моя бабушка, мой отец и моя мать находились в полной от Пикассо зависимости. Каждый оказался пойманным в западню по-своему. После того как моя бабушка Ольга фактически разошлась со своим мужем в начале тридцатых годов, она должна была бы окончательно порвать с ним и заново начать свою жизнь; Пауло также стремился освободиться от отцовской опеки, а моя мать готова была уйти с детьми, найти работу, стать независимой и особенно не иметь больше никаких дел со своим свекром.

Я часто спрашивала себя, почему они так и остались в таком положении. Неужели из-за недоверия к самим себе? Что это — чистой воды мазохизм, последствия извращенной системы, в которую они сначала дали себя вовлечь и выйти из которой у них потом не хватило ни сил, ни энергии? Конечно, ответы могут быть самые разные. Но как можно объяснить поступок моего брата? Могли ли я предположить, что Пабло действительно хотел умереть в тот день, когда проглотил хлорную отраву? К сожалению, я знаю, что это не так. Оказавшись в западне семейного безумства, он не сумел отгородиться от него, у него не хватило времени понять, почему он так сильно страдал, какой смерч обрушился на нас, каких он натворил разрушений, какое опустошение оставил после себя. Именно из-за времени, которого ему не хватило, я не могла простить этого взрослому члену своей семьи. Они ничего не замечали, не замечали, как он

страдал, им и в голову не приходило, в каком психическом одиночестве он постепенно оказался.

Что Пикассо развелся с Ольгой, что мои родители грызлись как кошка с собакой — все это, по сути дела, не имело бы большого значения или по крайней мере значило бы не больше ссор любых других супругов на свете, которые уже не могут жить друг с другом в ладу. К сожалению, эта цепь конфликтов, драм, ругани и ненависти привела молодого человека, быть может, слишком чувствительного и, конечно же, очень ранимого, к мысли о том, что самоубийство для него единственный выход из создавшегося положения. В решающий момент он не оставил себе ни одного шанса и действовал со всем неистовством, которого никогда не позволял себе в отношении других. Эту книгу я написала в основном в память о нем, потому что ничего из того, что я делаю сегодня вместе с моим фондом, невозможно было бы объяснить, не будь трагических событий, происшедших чуть более двадцати лет назад. Чтобы понять разгравшуюся драму и решиться рассказать о ней, мне потребовалось все это время — время, которого он не знал.

Слишком чувствительный, слишком ранимый

НА СЛЕДУЮЩИЙ день после смерти Пикассо, 8 апреля 1973 года, Пабло явился к собору Нотр-Дам де Ви. Здесь без всякой на то видимой причины ему опять-таки отказывают в разрешении войти в собор. И что в том особенного, если бы внук в последний раз увидел своего деда: почему ему нельзя было молча поскорбеть и потом тихо удалиться? Ведь Пабло пришел сюда не для того, чтобы поднать скандал, что-то присвоить себе, свести счеты, например, с Жаками, хотя у него были на это все основания. Он хотел всего-навсего отдать последний долг своему деду. Для него это имело колоссальное значение.

Получилось так, что эта новая грусть, которая была далеко не последней, сильно укрепила в нем чувство небытия, с которым он всегда так упорно боролся. И вот Пикассо нет, а что станет с ним, со всеми нами? Не то чтобы художник был идеальным делом, который умел утешить в горе, нет. Но вот теперь, когда его не стало, Пабло был уверен, и не без основания, что у Жакина развяжутся руки, чтобы раз и навсегда порвать с семьей, которую она терпеть не могла и которая постоянно стесняла ее в попытке присвоить не столько богатство Пикассо, сколько его известность. В какой-то мере мы всегда были лишними. К этому добавилось еще и то, что нам было запрещено (на этот раз запрет исходил от отца) присутствовать на похоронах Пикассо. Жакину запретила нам участвовать в них, а Пауло не посмел ослушаться ее. То, что он тут же проявил покорность, могло означать: он не сможет противостоять своей махехе, а может быть, этого и не хотел. В прошлом в их отношениях порой была большая напряженность — до такой степени, что и Пауло тоже было запрещено какое-то время гостить в Мужене. А может быть, он считал ненужным начинать жизнь после Пикассо серьезным конфликтом между наследниками?

Этот новый отказ стал причиной горячих споров между моим отцом и моим братом, и на следующий день после похорон Пикассо Пабло покончил жизнь самоубийством. Зачем ему был нужен такой жест? Так как он умер не сразу (агония продолжалась три месяца), у него было время рассказать мне об этом. Он объяснил мне, что полагал, будто только такого рода жестокий акт мог изменить, по крайней мере для меня, весь ход жизни. Думал, что, покончив с собой, он все же даст понять семье, в каком положении она находилась до сего времени. Займетса наконец мной, поддержит меня душевно, мы жаждали такой поддержки, но никогда ее не получали.

По сути дела, со своим цельным характером, какой часто бывает у молодых людей, он выбрал наихудший вариант решения. Его рассуждение выдавало состояние отчаяния, в котором он находился. Практически за все время агонии его не навещал ни один член нашей семьи. В день его смерти у меня не было ни гроша, нечем было заплатить даже за гроб. Расходы на похороны взяли на себя семьи его бывших школьных товарищей, с которыми я поддерживала связь. Его смерть ничего не изменила. Только случившееся через два

года после этого, сделавшее меня одной из наследниц Пикассо, изменило мое положение, по крайней мере с материальной точки зрения.

После смерти Пабло внешне моя жизнь продолжалась так же, как и прежде. Сначала у меня не было никаких известий об отце, а когда он через друзей попросил увидеться со мной, я передала через них, что не хочу его видеть. Я не могла ему простить. Знала, что он болен, но, не имея представления, насколько серьезно было его состояние, не предполагала, что он умрет так скоро. Навестила ли бы я его, если бы знала, что он доживает последние дни? Возможно. После его смерти я очень раскаивалась, что не ответила на его призыв. Единственное, что я могла бы сказать сегодня, это что до самого конца наши отношения будут отмечены знаком неудавшихся встреч и весьма печальных недоразумений.

После ухода из жизни моего брата, все еще находясь в состоянии шока, я, как лунатик, механически делала все, что полагается делать в повседневной жизни, ухаживала за матерью, которую смерть Пабло совершенно подкосила, пыталась работой смягчить свои страдания, занимаясь страданиями других, и особенно старалась как можно меньше думать. После смерти Пабло я была в состоянии человека, который ранен, но еще не чувствует боли. Разница была лишь в том, что мой брат уже два года как умер, а я все еще находилась в состоянии анестезии. Я сама того не осознавала — мои чувства точно онемели. Сегодня я знаю, что впала в состояние полного изнеможения, которое позднее, через несколько лет, приведет меня к своеобразной психической смерти. Уход из жизни Пабло мне казался настолько несправедливым, я так страдала от того, что его нет со мной, что была абсолютно не в состоянии выполнить то, что называется «траурным обрядом». Все во мне застыло. В то же время вполне сознательно я отдалилась от внешнего мира. Так же как у Пабло, у меня никогда не было много друзей, и такое положение не изменилось и после его смерти. Напротив, мое одиночество стало глубже.